

**Русская космическая терминология:
формирование; состав; основные способы номинации**

Бахарлу Хади

Московский государственный университет, Москва, Россия;

Университет Тарбиат Модаррес, Тегеран, Иран

Космическая терминология начинает складываться в конце XIX – начале XX вв. В эти годы К.Э.Циолковский, основоположник космонавтики, разрабатывает идею искусственного ракетного спутника земли и пытается представить условия жизни и работы его экипажа. С именем Циолковского связан начальный этап и космонавтики, и ее терминологии. В частности, Циолковский вводит в употребление «космическое» значение слова *ракета*. В 90-е г. XIX в. он пишет научно-фантастическую повесть «Вне земли». В ней рассказывается о первом путешествии летательного аппарата в космос. Этот аппарат Циолковский в своей повести называет по-разному: *ракетой, снарядом, пушкой, реактивным прибором, аппаратом, кораблем, небесной ракетой, небесным экипажем*. Однако предпочтение отдается двум однословным названиям *ракета, снаряд* и составному термину *реактивный прибор*. Со временем слово *ракета* приобретает терминологическое значение– ‘летательный аппарат с реактивным двигателем’. До начала 20-х гг. в терминологической речи слово *ракета* и выражение *реактивный прибор* употреблялись как синонимы, позже терминологическое сочетание вытесняется.

В связи с возникновением новой науки должно было произойти отграничение *космонавтики* от существовавших ранее космических наук.

Происхождение авторского русского термина *космонавтика* (который открывает ряд новообразований – *астронавтика, аэронавтика*) связано с двумя именами: во-первых, одного из пионеров ракетной техники Г.Э.Лангемака, автора книги «Ракеты, их устройство и применение»(1935), во-вторых, с именем пионера космонавтики А.А.Штернфельда, который в том же 1935 г. опубликовал книгу «Введение в космонавтику». Эта книга была написана на французском, и Лангемак перевел ее на русский язык (перевод издан в 1937г.). С тех пор термин *космонавтика*, калькированный Лангемаком с французского, стал использоваться в русском языке. С именем А.А.Штернфельда связаны такие термины, как *космодром, первая космическая скорость*. В эти же годы появился термин *астронавт*. В 30-е гг. XX в. в русском языке было три слова с этим элементом: *аргонавт, аэронавт, астронавт*. В связи с полетами в стратосферу позднее появилось еще одно слово – *стратонавт*. Но особенно быстро эта группа стала пополняться в 50-60-е годы во время подъема общественного интереса к космонавтике. Последним словом, вошедшим в этот ряд, оказывается созданное совсем недавно слово *марсонавт*.

Очень важными для формирования и развития русской космической терминологии оказались 50-60-ые гг. XX в. В эти годы человек проложил дорогу в космос, и СССР, с первым полетом человека в космос, стал лидером космонавтики. Космонавтика сразу вышла за пределы узкоспециальной среды, и космическая терминология получила широкое распространение среди самых различных слоев носителей русского литературного языка. Поэтому космическая терминология, в отличие от многих других терминологических сфер, в своем отношении к словарному составу литературного языка характеризуется отсутствием изолированности, обособленности. Широкое употребление космических терминов в различных жанрах литературного языка не ведет, однако, к их детерминации. В целом космическую терминологию можно охарактеризовать как контролируемую, сознательно регулируемую область терминотворчества.

Чтобы представить современную русскую космическую терминологию в упорядоченном виде, нам пришлось использовать издания словарно-справочного характера по космонавтике, а также словари аэрокосмических терминов. Базового

словаря, который бы в полном объеме охватывал современную космическую терминологию, не существует. Среди рассмотренных космических терминов представлены и базовые, широкоупотребительные единицы, и некоторые узкоспециальные аэрокосмические термины. Космическая терминология возникает не на пустом месте и широко использует термины астрономии и других, смежных с астрономией наук – космической физики, геодезии и ряда др.

В интересующей нас сфере много интернациональных терминов. Они могут быть и заимствованиями, и словообразовательными производными, поэтому их нередко нельзя квалифицировать однозначно. Среди бесспорных заимствований больше всего слов, которые пришли из греческого и латинского языков. Единичны заимствования из английского, французского и арабского.

Ряд терминов представляет собой результат специализации значения общелитературных слов (*год, разум, приземлиться*). В космической терминологии достаточно велика доля семантических дериватов, основанных на метафоре (*забрало* ‘подвижная часть шлема скафандра, служащая защитой лица и глаз’, *тарелка* ‘нижняя часть посадочной опоры космических кораблей’, *спутник* ‘космический аппарат’). Метафорически мотивировано значение таких терминологических словосочетаний, как *солнечный ветер, парад планет, корона солнца, космический мусор*.

Чрезвычайно продуктивны в сфере космической терминологии составные наименования. Со структурной стороны это преимущественно сочетания существительного с определяющим прилагательным (примеры см. выше), а также существительного с существительным в Р.п.: *спутник связи, двигатель ориентации, конфигурация планет* и др.).

Не описывая других моделей, отметим, что расчлененные аналитические наименования, четко семантически делимые, играют ведущую роль в современном образовании космических терминов. На основе расчлененных наименований создаются аббревиатуры: НЛО, ККМИ, РДТТ, МТКК и мн.др.

Среди сложных слов надо выделить образования с основами типа *астро-, аэро-, гео-, фото-* и др. (*астролябия, астрофотометрия, радиолокация, геоид, фотометрия*) и связанными опорными последними компонентами типа: *-метр, -граф, -дром* (*дозиметр, космодром, гелиограф*). Аффиксальная деривация представлена несколькими типами. Это в первую очередь отглагольные имена существительные с суффиксом *-тель* (*обтекатель, ускоритель*), отглагольные и отыменные производные с суффиксом *-к* (*нагрузка, площадка*) и префиксально-суффиксальные существительные типа *закрылок*.

В заключение отметим, что космическая терминология является наглядной демонстрацией того, как внеязыковые требования активизируют разнообразные средства языка.

О проблеме описания исторических терминов – единиц ННКМ

Бодунова Марина Сергеевна

Аспирантка Смоленского государственного университета, кафедра современного русского языка и методики его преподавания, Смоленск, Россия

Важнейшей целью общего образования можно считать социализацию обучающихся, результатом которой является превращение индивида в человека общественного. Суть социализации может быть представлена как процесс овладения системой знаний, установок и норм, имеющих в данном социуме статус общеобязательных. Поскольку основным средством накопления, хранения и передачи знания являются единицы естественного языка, то и представление общеобязательных знаний осуществляется прежде всего в языковой форме.

Частью общеобязательного знания индивида (языковой личности) является *общеобязательное научное знание*, содержание которого складывается под контролем

общества и регламентируется им. Система общеобязательной научной информации, составляющая содержание общего среднего образования, формирует *нормативно-научную картину мира* (ННКМ) школьника (Н.А. Максимчук).

Общая структура ННКМ определяется набором обязательных учебных предметов. Роль опорных единиц ННКМ выполняют термины как «минимальные носители научного знания» (С.Е. Никитина). Содержание основных понятий любой учебной дисциплины с различной степенью полноты раскрывается в предметных *нормативно-научных текстах* (ННТ), т. е. специально созданных и одобренных обществом текстах, содержащих общеобязательную научную информацию, сообщаемую индивиду в процессе обучения в средней школе.

Комплексное описание ННКМ, отдельных ее фрагментов и опорных единиц можно рассматривать как актуальную задачу прикладной лингвистики [Максимчук: 8].

Исторический фрагмент ННКМ имеет особый статус в ее структуре, т.к. в процессе социализации индивида, его интеллектуального и культурного развития истории традиционно отводится одна из ведущих ролей. Так, изучение истории России должно не только обогащать школьников системой знаний о важных событиях в жизни страны, ее выдающихся людях. От изучения истории в школе общество вправе ожидать и других результатов: формирования ценностных ориентаций личности – гражданина России: патриотизма, уважения к истории своей страны, к правам и свободам человека и др. Решение этих задач в значительной степени зависит от качества исторических ННТ школьных учебников, одним из способов лингвистической оценки которых может быть комплексный анализ их терминологического наполнения.

Большую часть терминов исторических ННТ можно квалифицировать как *транзитные* (Н. А. Максимчук). Встречаются термины экономики (*товар, дефолт* и др.), военного дела (*штурм, атака* и др.), искусствоведения (*фреска, барокко* и др.), литературоведения (*летопись, повесть* и др.), религии (*алтарь, монах*, и др.), сельского хозяйства (*соха, озимь* и др.) и др. Заимствованные из других наук понятия при погружении в исторический контекст, как правило, видоизменяются: становятся более гибкими, теряют свою строгость, меняется их семантический объем и т. д. Этим, в числе прочего, объясняется возможность многих вариантов семантизации одного и того же термина. Анализ видов и способов семантизации терминов позволит выявить содержательные особенности исторических ННТ в конкретных учебниках. Так, в ННТ учебников по истории России для 6-7 по сравнению с ННТ учебников старших классов гораздо чаще используется наглядная семантизация (что объясняется учетом этапа обучения). Важным способом семантизации терминов является дефиниция. Однако в учебниках истории дефиниции могут значительно различаться и по содержанию, и по объему, и по другим характеристикам. Так, в учебниках по истории России для 7 класса термин *гетман* определяется следующим образом: 1. *Гетман – до середины XVII века так называли на Украине главу реестровых казаков. После вхождения Украины в состав России гетманом стали называть правителя Украины и главу украинского казачьего войска* [Данилов: 75]. 2. *Гетман – командующий армией в Польше; глава казацкого войска на Украине* [Пчелов: 276]. В первом случае дается указание на изменение в значении термина, однако второе определение более полно. Особенностью исторических ННТ можно считать достаточно частое сочетание различных способов семантизации терминов. Например: *В конце века в архитектуре появился новый стиль. Его называют московским, или нарышкинским, барокко. Он отличается пышностью и обилием украшений. Нарышкинским же он именуется потому, что его рождение в России связывают с двором Натальи Нарышкиной – второй жены Алексея Михайловича. Главным признаком этого стиля является сочетание красной кирпичной кладки с белыми элементами отделки. Такова, например, церковь Покрова в Филях* [Пчелов: 100]. Далее приводится иллюстрация упомянутой церкви с соответствующей

подписью (отметим, что ранее термин *барокко* в исторических ННТ этого учебника не встречался, поэтому семантизация термина может вызывать вопросы).

Для осуществления комплексного описания и анализа лексики исторических ННТ необходимо выявить количественные и качественные характеристики терминов, установить их происхождение, сопоставить дефиниции одноименных терминов в науке-источнике и в истории, сравнить учебные дефиниции одних и тех же терминов в разных учебниках истории. Успешная реализация этих задач позволит не только объективно оценить терминологическое наполнение исторических ННТ, но выявить особенности функционирования исторической лексики в современных учебниках истории.

Литература

Данилов А.А. История России: конец XVI-XVIII век: учеб. для 7 кл. общеобразоват. учреждений. М., 2008.

Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. Смоленск, Ч. 1, 2002.

Пчелов Е.В. История России. XVII-XVIII века: Учебник для 7 класса общеобразовательных учреждений. М., 2008.

Особенности репрезентации денотативного содержания бионимов в обыденном сознании

Волобуева Юлия Сергеевна

Аспирант Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия

*Исследование выполнено при поддержке
гранта Минобрнауки №16.740.11.0422*

Целью данной статьи является описание особенностей репрезентации денотативного содержания русских бионимов (слов, обозначающих биологические виды) [Витковский: 29-30]. Актуальность работы обусловлена исследованиями последних десятилетий, значительно расширивших представление об объеме и границах лексического значения слова, поэтому особый интерес для изучения представляет функционирование слова в обыденном сознании.

Объектом исследования является денотативный компонент лексического значения бионимов.

Предмет исследования – особенности репрезентации денотативного содержания бионимов в сознании носителей языка.

Значение слова в сознании человека определяется его связью с предметом реальной действительности. «Денотативный макрокомпонент, основной для большинства слов, представляет собой предметно-понятийную или чисто понятийную информацию, связанную с отражением внеязыковой действительности, объективной или субъективной» [Стернин: 42]. В денотативном компоненте значения для говорящего фиксируются наиболее существенные и актуальные для данного предмета признаки. Понятие репрезентирует дефиниция.

Дефиниция – это описание какого-либо понятия, содержащее наиболее существенные его признаки. Таким образом, если свойства объекта, зафиксированные в сознании, могут быть вербализованы с помощью дефиниции, то можно говорить о том, что данный субъект имеет понятие о называемом объекте.

В основе денотативного содержания слова лежат существенные признаки названного предмета, репрезентированные в форме дефиниции.

Реально функционирующие в сознании носителей языка значения слов, могут существенно отличаться от дефиниций толковых словарей. Несложно догадаться, что перечень наиболее существенных признаков словарных определений иногда существенно отличаться от признаков, названных в обыденных толкованиях.

Материал для изучения денотативного содержания слов-бионимов получен в ходе лингвистического эксперимента. Эксперимент проводился с использованием анкет, содержащих следующий вопрос: «*Какое значение имеют данные слова?*».

По результатам эксперимента среди бионимов выделено две группы – известные рядовым носителям языка и агнонимы. Выявлено, что они имеют разные формы репрезентации денотативного содержания:

1. Известные информантам слова «наталкивают» их на дефиниционную форму репрезентации денотативного содержания.

В результате эксперимента были получены дефиниции, состоящие из двух частей: родового компонента и видовых признаков значения. Дефиниционная форма является основной для слов, известных реципиентам. Следовательно, мы можем говорить о том, что рядовые носители языка владеют понятием о названных предметах, поскольку могут перечислить их характерные признаки.

Определяющим в обыденных толкованиях является культурный компонент. Говорящий актуализирует в дефиниции понятие о предмете, сформированное окружающей действительностью и индивидуальным культурным контекстом (устойчивые выражения, устное народное творчество, художественная литература, фильмы и т.д.).

Для формирования собственного понятия о предмете достаточно яркого признака, выделяющего этот предмет на фоне остальных. Именно наличие таких признаков характеризует большинство обыденных толкований. Денотативное содержание обыденных определений лишь частично совпадает с определениями толковых словарей.

«Толковый словарь» Ожегова С.И.:

Аист – крупная длинноногая перелетная птица с длинным прямым клювом [Ожегов: 25].

Белка – небольшой лесной зверек-грызун с пушистым хвостом, а также мех этого зверька [Там же: 52].

Обыденные толкования:

Белка – ест орехи; грызет орехи; собирающая орехи; питается орешками; любит орехи; запасает орехи на зиму; питается грибами и орехами.

Аист – приносящий детей; приносит детей; приносит детей родителям.

Информантам хорошо известны бионимы различных тематических групп: *моль, пчела, оса, комар* (насекомые); *елка, береза, тополь* (деревья); *гусь, курица* (птицы) и так далее.

2. Агнонимы - это слова родного языка, полностью или частично неизвестные носителю языка [Морковкин, Морковкина: 106].

Агнонимы «наталкивают» информантов на следующие виды репрезентации денотативного содержания:

а) Неполные дефиниции, то есть дефиниции, имеющие только родовой компонент или видовые признаки значения. Говорящий может иметь представление о том, к какому классу относится бионим, но не имеет понятия о признаках, его характеризующих. Неполными дефинициями определяются значения слов: *акация – растение, цветочек, цветок*; *айва – фрукт, дерево*; *белуга – рыба*; *боровик – гриб*; *антилопа – животное*.

Иногда говорящие имеют неправильное представление о родовом признаке слова: *агава – река*; *белуха – гора*.

Крайняя степень проявления агнонимичности - ответ «*не знаю*» (слова *белладонна, слепень*).

б) Ассоциации. В основе ассоциации лежит «общепринятое в языковом коллективе универсальное представление об объекте» [Ростова: 200].

Реципиенты не могут перечислить основные признаки денотата и переходят к ассоциативной форме выражения денотативного содержания: бамбук – *сигареты, Китай*; бекас – *бекарас, пегас*. Следовательно, имеют о предмете лишь размытое представление.

Литература

- Витковский Т.* Проблемы словаря ономастической терминологии // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
- Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 2004.
- Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
- Ростова А.Н.* Обыденная семантизация слов // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч.1.: коллективная монография. Кемерово-Барнаул, 2009. С. 182-201.

Вариативность интерпретации в обыденном метаязыковом сознании (на материале юридических терминов)

Воробьева Марина Евгеньевна

Студентка Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия

Данное исследование является составной частью изучения обыденного метаязыкового сознания – современного лингвистического направления, связанного с философией постмодернизма, рецептивной эстетикой и лингвистическим интерпретационизмом.

Проблематика работы определяется противоречием между единственностью формы как воплощением замысла автора и множественностью вариантов интерпретации его содержания.

Вариативность интерпретации является сущностным свойством естественного языка, она носит закономерный и неизбежный характер [Гак: 365]. Вариативность интерпретации обусловлена как объективными факторами языка, так и индивидуально-психологическими особенностями реципиента, активным и креативным характером его рецептивной деятельности.

Несмотря на то что современное сознание, погружаясь в пространство интерпретационной вариативности, отдаляется от однозначности и правильности как критериев истины, многие области интеллектуальной деятельности по-прежнему исповедуют тезис о вариативности интерпретации как стихийном, помехообразующем факторе, который нужно преодолевать. К числу таких областей относится и толкование текстов права. Вне осознания юристов остается идея отчуждения текста от автора, его самостоятельной «жизни» как носителя смыслов в сознании читателя [Голев 2009: 405].

Обыденное сознание имеет много вариантов своего бытия и форм его проявления: от интенционально обусловленной принципиально рассудочной, актуализованной и вербализованной рефлексии до неинтенциональной интуитивной, неактуализованной и молчаливой [Голев 2007: 98]. Поэтому законодатели, если они заинтересованы в том, чтобы тексты закона достигали сознания адресата, должны иметь сведения о реальном функционировании юридических терминов и текстов в ментальном пространстве общества, устроенного по законам функционирования естественного языка. Один из таких законов – многообразие форм содержания слова, зависящее от разных ситуаций, контекстов, типов сознания и уровней подготовки субъекта интерпретации.

В рамках данного исследования остановимся на описании специфики такой формы репрезентации содержания юридических терминов, как реального значения.

Особенности реального значения юридических терминов были выявлены в результате лингвистического эксперимента, который проводился в два этапа:

дефиниционный и ассоциативный. На первом этапе испытуемым предлагалось дать определение терминам «клевета», «оскорбление», «порочащие сведения»; определить главные семантические признаки, отличающие их от слов-синонимов, не имеющих юридического статуса (например, оскорбление - обида). Семы, выделенные при обыденном толковании, сопоставлялись с семами, присутствующими в определениях, зафиксированных в соответствующих законодательных статьях (ст. 129, 130 УК РФ, ст. 152 ГК РФ).

В результате проведенного исследования можно выделить следующие особенности реального значения юридических терминов (на примере термина «оскорбление»):

1) Расширение семантики термина за счет конкретизации сем. Во-первых, в обыденном толковании обобщенный характер семы «унижение чести и достоинства другого лица» приобретает конкретную выраженность, форму осуществления (слова, действия, жесты); во-вторых, сознанием рядового реципиента фиксируется причина оскорбления (обида, зависть адресанта), а также последствия оскорбления (обида адресата, унижение достоинства, снижение самооценки);

2) 80 % опрошенных отмечают целенаправленный характер оскорбления (с точки зрения законодательства для ст. 130 этот признак не является существенным);

3) ядерную сему для официального толкования «неприличная форма» фиксируют лишь 6 % испытуемых («ненормативная лексика»); отмечается лишь негативный характер высказывания/действия;

4) ориентация на субъективное восприятие адресата, т.е. слова, действия считаются обидными именно с точки зрения адресата, в зависимости от его концептуальной сферы;

5) испытуемые не осознают возможность юридических последствий, воспринимают оскорбление на бытовом уровне;

6) отсутствует разграничение синонимов «оскорбление» – «обида» по сферам употребления (юридическая - обыденная); 70 % опрошенных устанавливают причинно-следственные связи между словами; 17% отмечают личный, индивидуальный характер обиды;

7) использование общеупотребительной конкретной лексики взамен абстрактной (человек вместо лица);

На втором этапе лингвистического эксперимента испытуемых просили написать ассоциации, которые вызывают у них данные термины.

В результате было выявлено, что главной характеристикой семантической стороны оскорбления опрашиваемые называют резко негативный характер слов, высказываний, адресованных человеку. При этом наиболее «уязвимыми» качествами считаются интеллект (в широком смысле), далее - внешний вид и поведение человека. Также следует отметить, что внешние (социальные, этические) нормы для рядовых носителей языка оказываются более значимыми, чем внутренние (например, функционально-стилистические), в частности, оскорбительной им видится даже нейтральная лексика (наивный, глупый, клоун и т.д.).

Реальное значение юридического термина, как и его официальное значение, может быть использовано в качестве базы для дальнейшей когнитивной интерпретации, после которой ее можно продолжить уже в аспекте описания соответствующего концепта. Выявленные особенности могут быть учтены при создании Словаря обыденного толкования специальной лексики, а также в практике лингвистических экспертиз (особенно связанных со статьями 152 ГК РФ, 129, 130 УК РФ).

Литература

Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.

Голев Н.Д. Лингвистические тупики юридической техники // Юрислингвистика-8. Кемерово-Барнаул, 2007. С. 92-104.

Голев Н.Д. Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка // Обыденное метаязыковое сознание. Ч. II. Томск, 2009. С. 378-410.

Градуальность как элемент семантики фразеологических единиц

Горшкова Надежда Николаевна

Старший преподаватель, кандидат филологических наук

*Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева,
Саранск, Россия*

Исследования фразеологических единиц в аспекте проблемы семантической организации приобретают в настоящее время особую актуальность. Данная работа посвящена изучению семантической структуры фразеологических единиц (далее – ФЕ) с градуальным значением. Анализируемые фразеологические единицы являются составными элементами единой семантической парадигмы, под которой понимается системное объединение фразеологизмов, характеризующихся семантической общностью и закономерными семантическими градуальными отношениями.

Фразеологизмы с градуальной семантикой представляют собой богатейший материал для решения многих актуальных проблем русской фразеологии, связанных с фразеологическим значением.

В настоящей работе исследуются фразеологизмы, содержащие в семантической структуре градосемы: 'очень', 'слишком', 'необыкновенно', 'совершенно', 'крайне', 'совсем', 'абсолютно', 'все', 'целиком'.

Под семой нами понимается минимальный компонент семемы. Совокупность сем в их иерархической организации образует смысловую структуру семемы.

Градуальное значение объединяет фразеологизмы в одну семантическую парадигму, в составе которой фразеологизмы соотнесены друг с другом по степени семантической близости благодаря градосемам 'очень', 'сильно', 'совсем', 'чрезвычайно', 'крайне', 'в высшей степени'.

Основное предназначение градуальности состоит в передаче степени величины признака, процесса, явления. Градосема в структуре фразеологического значения актуализирует и усиливает один или несколько элементов семантической структуры фразеологизма. Например: *Она заплакала громко, во все горло, как будто он сказал что-то обидное* (В.Токарева) // во фразеологизме *во все горло* – 'очень громко', а также в лексеме, соотносимой с ней, *громко* (от *громкий*) – 'сильно звучащий, хорошо слышимый' выделяется интегральная сема 'сильно звучащий'. Градосема 'очень' содержится в семантической структуре фразеологизма: *во все горло* и актуализирует интегральную сему.

Исследование соотношения денотативного и коннотативного макроэлементов в семантической структуре фразеологических единиц с градуальной семантикой выявило следующие особенности: коннотативный макроэлемент представлен эмотивной семой (эмосемой), семой оценочности, градосемой; денотативный – первичным и вторичным денотатом. Экспрессивность является функциональной характеристикой единицы в целом и поэтому не может квалифицироваться как элемент семантической структуры фразеологических единиц.

Анализ языкового материала показал, что семантическая структура организована по полевой модели: эмотивная, оценочная, градуальная семы в семантической структуре конкретных фразеологизмов занимают ядерное или периферийное положение. Фразеологические единицы с ядерной градосемой: *до смешного* – 'в высшей степени, очень, чрезвычайно', *беда [страх, ужас] как* – 'очень, слишком', *на диво* – 'чрезвычайно, очень, весьма', *до смерти* – 'очень сильно'. Фразеологические

единицы с периферийной градусемой: *мать честная* – восхищение, выражающее избыток количества чувств: изумления, испуга, радости и т. п.; *язык без костей* – кто-либо очень болтлив'; *вавилонская блудница* – крайне развращенная, распутная женщина. Например, фразеологизм: *мать честная* – восхищение, выражающее избыток количества чувств: изумления, испуга, радости и т. п. – «*Мать честная! Да я ему позвоночник перебил*» – *подумал дядя Ваня и присел над ним, трогая и легонько тормоша* (В. Маканин) // семантическая структура фразеологизма *мать честная* представлена эмосемой 'изумление', занимающей ядерное положение и семой градуальности 'избыток'.

В семантической структуре фразеологических единиц градусема является узуальной, в то же время, данная сема может актуализироваться в семантической структуре фразеологических единиц в виде окказиональной. Узуальные фразеологические единицы в процессе коммуникации подвергаются варьированию, нарушению узуальной контекстуальной комбинаторики, в результате чего происходит актуализация окказиональной градусемы. Например, семантическая структура фразеологизма *нести крест* – терпеливо и последовательно переносить испытания, страдания, превратности судьбы, представлена вторичным денотатом и оценочной семой. В контексте: *Ты не скучаешь в жизни, – ответил Панов, уже привычно вздохнув. Он как бы тоже нес часть ее креста* (В. Маканин) // на узуальное системное значение наслаивается окказиональная градусема, усиливающая экспрессивность фразеологизма за счет расширения компонентного состава, фразеологизм приобретает окказиональное градуальное значение «переносить часть страданий, неполностью, меньше, разделив их с героиней».

Градуальность как элемент семантики фразеологических единиц следует отличать от экспрессивности, так как это функциональная характеристика единицы в целом. Взаимодействие элементов семантики фразеологических единиц, семы градуальности в том числе, обуславливает большую выразительность, повышенную экспрессивность фразеологических единиц в сравнении с лексемами и словосочетаниями, соотносящимися с ними семантически.

Таким образом, фразеологизмы с градуальной семантикой представляют собой устойчивые, воспроизводимые единицы, наделенные целостным значением, в структуре которого обязательно наличие градусемы.

Дефиниционная форма репрезентации значения слова в «Словаре обыденных толкований русских слов» (на примере словарных статей *гад, герань, водоросль*)

Дударева Яна Александровна

Аспирантка Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия

Исследование выполнено

при поддержке гранта Минобрнауки

№ 16.740.11.0422.

В докладе представлен опыт лексикографического описания значения слов, выполненного на антропоцентрической основе. Словарные статьи *гад, герань* и *водоросль*, составленные на основе показаний метаязыкового сознания, являются частью лексикографического проекта «Словарь обыденных толкований русских слов» (далее - СОТРС), реализуемого научным коллективом кафедры русского языка Кемеровского государственного университета (руководитель – д. филол. н., профессор Н.Д. Голев).

Толкования указанных слов, полученные в результате эксперимента, сопоставляются с толкованиями академических нормативных словарей. В данном сопоставлении актуализируется оппозиция предписательного и описательного подходов к лексикографированию семантики слова.

Одним из актуальных направлений современной лексикографии является создание словарей «нового» типа – изданий описательного характера, в которых слово представлено в «психологически реальном» значении [Стернин 2005: 180], таким, каким оно существует в «ассоциативно-вербальной сети» (термин Ю.Н. Караулова) самих носителей языка и функционирует в их речи. Так, в «Новом словаре синонимов русского языка» под ред. Ю.Д. Апресяна каждый синонимический ряд описывается как «отражение «наивной», или языковой, картины мира» [Апресян 2003: 9]. В СОТРС каждая словарная статья представляет собой поле «наивных» толкований слова, в котором проявляются различные формы репрезентации значения слова: дефиниционная, ассоциативная, контекстная.

Словарные статьи СОТРС составлены на основе результатов дефиниционного эксперимента. Испытуемым, число которых составило 100 человек, было предложено ответить на вопрос анкеты: *сформулируйте, какое значение имеют следующие слова: гад, герань, гламур, водоросль, буран*. Слова *гламур* и *буран* использовались в эксперименте как «слова-вставки».

Реакции испытуемых в словарной статье располагаются по мере убывания их частотности.

Гад: плохой человек-21; нехороший человек-13; змея-9; пресмыкающееся-8; подлый человек-6; животное-3; рептилии-3; человек-3; нехороший-2; человек, совершающий плохие поступки-2; ассоциация с каким-то обидным, оскорбительным словом; бранное слово; вид животных; все живое на планете Земля, созданное по воле Божьей; «гад морской»; дурак; живое существо; засранец; земноводное; змеюка; инвектива; какое-нибудь пресмыкающееся животное; краткое название змеи; мерзкий тип; млекопитающее (морские гады); насекомое; насекомое, имеющее яд (змея, комар); ненадежный; не очень хороший человек; неприятный субъект; неприятный человек; нечто неприятное; обзывательство; определенный вид змей, пресмыкающихся; оскорбительный отзыв о человеке (перен.); оскорбление; отрицательная оценка некоторого лица; отрицательный человек; оценка, дающаяся человеку, сделавшему что-нибудь плохое; очень подлый человек; пакостливый человек; паразит; плохой; плохой человек, который вызывает отвращение; плохой человек, который гадит; плохой человек, который навредил; плохой человек, способный на разного рода подлости (ругательное); подлый, нехороший человек, совершающий подлые поступки; ползучее создание; представитель рода змей или ящериц; представитель семейства гадюк; пресмыкающееся животное; противное животное или насекомое (змеи, ящерицы ...); противное насекомое; противный; противный человек; ругательное слово; ругательство; сволочь (о человеке); скользкий; уж; ужасный; характеристика человека, к которому негативное отношение; человек, имеющий пакостный характер; человек, имеющий плохие качества; человек, который врет и лицемерит; человек, который делает всем плохое; человек, который делает плохо другим людям, совершает гадкие поступки; человек, который делает подлости; человек, который делает подлость, но себе во благо; человек, который раздражает тебя; человек, который сделал что-то назло; человек, который совершает плохие поступки; человек, поступивший неуважительно по отношению к другому; человек, противный морально; человек, совершивший подлость; человек, совершающий аморальные поступки; ярлык для того, кого я ненавижу.

Толкование в нормативном словаре

Гад 1. Земноводное или пресмыкающееся животное. 2. Прост. бран. Об отвратительном, мерзком человеке. [МАС I: 295].

Полученные в ходе эксперимента результаты могут быть сопоставлены с данными нормативных толковых словарей, в ходе чего можно отметить следующее:

1) нормативные словари представляют существование слова на понятийном уровне, в СОТРС, словаре описательного типа, отражено, как слово существует на уровне представлений;

2) в нормативных словарях толкование лексем является линейным. В СОТРС толкование лексем представлено как объемное, многомерное поле, как «континуум частично совмещенных частиц языковой материи, перерастающих и перетекающих друг в друга по многим разным направлениям, в многослойных наложениях» [Гаспаров 1996: 141];

3) в нормативных толковых словарях каждая лексема имеет четкое, точно определенное значение. Проведенный дефиниционный эксперимент показывает, что для носителей языка лексема имеет диффузную семантику, нечеткие границы и является в той или иной степени агнонимичной;

4) дефиниционная и ассоциативные формы репрезентации значения слова тесно переплетены в сознании рядовых носителей русского языка. За этим стоит отсутствие определенных границ между чувственным и рациональным познанием действительности.

Литература

[МАС] – Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981.

Апресян Ю.Д. Предисловие // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2003.

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Стернин И.А. Концепт, «психологически реальное» и «лексикографическое» значение // Язык и история: Международный сборник научных трудов. Глазов, 2005. С. 179-183.

Особенности представления слов с областной характеристикой в «Словаре церковно-славянского и русского языка, составленного вторым отделением Императорской Академии Наук» (1847г.)

Егорова Светлана Сергеевна

*Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Статья посвящена рассмотрению особенностей представления слов с областной характеристикой в «Словаре церковно-славянского и русского языка, составленного вторым отделением Императорской Академии Наук» (1847г.). Наш интерес к изучению истории стилистической пометы «областное», к рассмотрению слов соответствующего класса и к Словарю 1847г. как источнику информации связан с тем, что именно в этом словаре в «Объяснительной таблице сокращенных речений, находящихся в Словаре», по нашим наблюдениям, впервые была официально введена эта стилистическая помета.

Что касается собственно принципов включения областных слов в Словарь 1847г., то составителями было принято решение «областные слова принимать в Словарь в таком случае, когда они с точностью выражают предмет и пополняют ощутительный недостаток в языке» [Словарь церковно-славянского и русского языка: XII]. Однако способы подачи таких слов в Словаре очень различны. В нашей статье мы предлагаем соответствующую их классификацию с примерами. Всего выделяется восемь групп:

- слова с пометой «областное»;
- слова, в толковании которых содержится указание на территорию их распространения, бытования;
- слова, указание на область распространения которых содержится лишь в упоминании источника, из которого взят пример;
- лексем, в словарной статье которых совмещается наличие пометы «областное», а также указание на конкретную территорию бытования слова или же на источник, в котором оно зафиксировано;

- слова, которые, кроме указания на территорию бытования, содержат профессиональную характеристику;

- слова, которые в Словаре сопровождаются пометой «простонародное», однако обнаруживают наличие явной территориальной характеристики;

- лексические единицы, не сопровождающиеся вообще никакими пометами, характеристиками и дополнительными комментариями, но ограниченность бытования которых кажется достаточно ощутимой;

- слова, содержащие отсылку к определенной территории распространения самой реалии, однако представляющиеся в той или иной степени общеизвестными, употребительными и понятными.

Отдельно в работе оговаривается проблема источников территориально ограниченных слов.

Кроме того, автор рассматривает вопрос о значении слов «областное», «область» применительно к середине XIX века (опираясь на данные Словаря 1847г.), а также уделяет внимание административно-территориальному делению России в тот период времени, что представляется необходимым в связи с нечеткостью толкований указанных слов в Словаре. Учитывая частые случаи изменения границ, варьирования названий административно-территориальных единиц на протяжении второй половины XVIII - первой половины XIX вв., можно констатировать и соответствующую трудность в четком определении того, что же такое «область». Вероятно, все эти сложности и явились поводом для использования различных способов толкования слов с локальной окраской.

Литература

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. С.-Пб., 1847г.

Особенности русской терминосистемы современных бальных европейских танцев

Ефименко Екатерина Юрьевна

Студентка Московского государственного университета, Москва, Россия

Настоящая работа посвящена изучению и описанию лексико-семантических, этимологических, морфологических особенностей терминов современных бальных латиноамериканских танцев, а также особенностей их употребления на материале исконной и заимствованной лексики в русской танцевальной терминосистеме.

В данной работе анализируются проблемы и особенности существования и создания современных латиноамериканских бальных танцев в России. Поскольку в основе своей вся терминология и теория бальных танцев существует в мире на английском языке (хотя именно среди терминов латиноамериканских танцев много заимствований из испанского языка), то практически все крупные учебники и пособия по бальным танцам являются переводными. Кроме того, в советское время долгий период бальные танцы считались занятием буржуазии, поэтому эти танцы не имели массовой популярности. И когда они начали входить в моду, вся основная теория была взята из иностранных (в большинстве своем – английских) учебников, которые просто переводились. С этим связано довольно много особенностей терминосистемы современных бальных латиноамериканских танцев. Такими крупнейшими учебниками являются книги Алекса Мура (Alex Moore "The Revised Technique of Ballroom Dancing", «Пересмотренная техника бальных танцев» и др.), К.Р. Виллиса (C. R. Willis "Leading Competition Figures"), Уолтер Лэрд «Техника Латиноамериканских танцев» и других авторов.

Таким образом, **объектом исследования** являются исконные и заимствованные единицы, номинирующие понятия современных латиноамериканских бальных танцев в русском языке. **Материалом исследования** послужили лексические единицы терминологии современных бальных европейских танцев (236 терминов), извлеченных

из учебной литературы, посвященной бальным европейским танцам (Алекс Мур, К. Р. Виллис, Г.Ховард и др.), а также из Обязательной для исполнения программы Федерации по спортивным бальным танцам, и из общения с тренерами бальных танцев.

Предметом исследования выступает лингво-культурологический аспект изучения языка танца, а также словообразовательные, этимологические и лексико-семантические особенности их функционирования в русской танцевальной терминосистеме.

На основе кодифицированных терминов можно создать два словаря. Один словарь должен содержать непосредственно основные названия элементов и фигур (*Позиция, Движение, Вольта, Бота Фога* и т.п.), а другой словарь должен состоять из уточняющих определений (*Теневой, Обратный, Непрерывный, Обычный* и т.п.). Система современных бальных латиноамериканских танцев формируется путем соединения этих двух словарей – наложения уточняющих определений на различные базовые термины, их разнообразные комбинации, и кроме того соединение некоторых основных терминов между собой.

Уточняющих определений не так много, как основных терминов, но они могут формировать различные соединения, образуя термины – «цепочки», которые состоят из одного основного термина и нескольких уточняющих определений (*Теневая Вольта по Кругу, Открытые Роки ВП и ВЛ, Прогрессивное Основное Движение* и т.п.)

Таким образом, в основном, создание терминов происходит внутри системы – на основе уже существующих терминов, в результате их различных комбинаций.

В отличие от современных уличных и клубных танцев терминосистема современных бальных танцев основана на технических терминах, которые сами, в своей лексической форме отражают суть движения, которое они обозначают. То есть уже в самом термине содержится «инструкция», как выполнять данный танцевальный элемент или движение (*свей, ход, поворот, смена ног, раскручивание, бег* и т.п.).

Но эта система была наложена сверху на уже сложившуюся в какой-то степени «народную», метафорическую систему терминов (*«перо», «майское дерево»* и т.п.). Достаточно обратить внимание даже на происхождение названия самих танцев - "Zambo" означает "ребенок от негра и местной (бразильской) женщины" (мулат), а в Испании слово "gumbo" означает "путь" (в русском морской аналог - "румбы", то есть направление), а "gumba" - "куча мала".

Таким образом, система терминов бальных латиноамериканских танцев выявляет разнообразные модели создания и развития терминов, которые не только комбинируются между собой, но порой даже сосуществуют (что, на мой взгляд, усложняет систему), когда у одного движения или фигуры оказывается два названия.

Лексика русского аффинажного производства как объект лингвистического исследования

Иванова Елена Владимировна

Аспирантка Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

В терминоведении и в других науках не раз предпринималась попытка дать классификацию специальной лексики. Известны философская, науковедческая, историческая, социолингвистическая, семантическая, структурно-грамматическая, функциональная, морфолого-синтаксическая классификации, а также большие сводные классификации [Гринев 2008; Фельде 2001]. Следует отметить, что большинство из них затрагивают в большей степени терминологическую лексику. Вне классификационных схем оказываются номены, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы и другие единицы некодифицированной специальной лексики. В настоящем исследовании эта проблема решается на материале лексики работников русского аффинажного производства (далее – АП). Источником исследования являются специальные словари [Энциклопедический словарь по металлургии 2000; Англо-

русский металлургический словарь 2004], а также данные картотеки, собранной путем анкетирования и интервьюирования работников Красноярского завода цветных металлов и золота имени В.Н. Гулидова.

Лексика АП отличается большим разнообразием типов: термины (*аффинаж*, *выщелачивание*); номены (*концентрат КП-1* – “концентрат платины”, *СЛЗ 100* – “слитки золота мерные”); терминомымы (*печь Ванюкова*, *электролизер Мебиуса*); прототермины (*золото*); предтермины (*компонент гипсосодержащий для строительных растворов*, *муляжи драгоценных металлов в порошке*); квазитермины (*царская водка*); профессионализмы (*швабра* – “приспособление с металлической рукояткой для растягивания жидкого металла”, *подушка* – “прибор для бесконтактного измерения температуры тел в мягком чехле”); профессиональные жаргонизмы (*хрюшка* – “респиратор”).

1. По своему генезису лексика аффинажного производства делится на две группы:

1) исконные специальные наименования русского происхождения: *золото*, *серебро* мн.др.;

2) заимствования из других языков, в том числе: лексические заимствования *аффинаж* (фр. *affiner*), *штейн* (нем. *Stein*); кальки *благородные металлы* (нем. *Edelmetall*), так называемые «гибридные термины», части которых принадлежат разным языковым системам (*аффинажник*) и др.

2. С точки зрения образования и развития специальной лексики конкретного подязыка АП можно выделить привлеченные и собственные специальные наименования. Привлеченные наименования смежных областей функционируют в данном подязыке в том же значении, что и материнской терминологии. Так, например, при образовании терминологии аффинажного производства в ее состав были привлечены термины металлургии (*спек*, *плавка* и т.д.); химии и минерологии (*родиево-никелевые катализаторы*, *азотная кислота*, *анодная плотность* и др.), делопроизводства (*баланс драгоценного металла*).

Среди привлеченных терминов АП преобладают наименования благородных металлов и их сплавов, а среди собственных специальных наименований – названия основных технологических операций по обработке и очистке благородных металлов, готовой продукции, наименования лиц по роду деятельности (*аффинаж платиновых металлов*, *палладий лигатурный*, *отжигальщик*, *шихтовщик*).

3. По семантической структуре выделяем моносемичные (их большинство) и полисемичные специальные наименования (*сплав* – 1. Процесс; 2. Результат процесса сплавления).

4. По формальной структуре все специальные наименования подразделяются на слова и словосочетания. Специальные наименования – слова, в свою очередь можно разделить на производные (*приемщик*, *вторичка*, *промывка*) и непроизводные (*золото*, *шлак*).

В составе лексики русского аффинажного производства встречаются наименования, образованные: а) суффиксальным путем: *аппаратчик*, *плавильщик*; б) суффиксально-префиксальным путем: *переплавка*, *отливка*, *очистка*, *упарка*; в) способом слово- и основосложения: *полуфабрикаты*, *термообработка*, *драгметалл*; г) семантическим путем: *противень* – “тонкий металлический лист с загнутыми краями и невысоким бортиком для загрузки металла”, *сковородка* – “приспособление для нагревания металла”; д) синтаксическим путем: *царсководочное растворение*; е) образованные способом субстантивации: *дверовой* – “работник, который наблюдает за открыванием и закрыванием дверей в системе плавильных печей”. В некоторых случаях стяжение словосочетания в однословное специальное наименование сопровождается суффиксацией и появляются наименования – универбы: *соляная кислота* → *солянка*. Терминологические единицы, образованные путем сокращения

одного из слов словосочетания, образуют группу эллиптических специальных наименований: *азотнокислый раствор*→*азотнокислый*.

Словосочетания часто преобладают среди предтерминов. В составе профессионализмов также встречаются простые (*красная черта, платиновая сковорода, мечтовская футировка*) и сложные словосочетания (*гранулы, навешиваемые в стаканчики*). По типу главного слова выделяют субстантивные, адъективные и глагольные специальные словосочетания. В качестве зависимых слов могут выступать различные части речи: имена существительные (*сливать с печи, извлекать металлы, соли платины*), имена прилагательные (*вторичное сырье, золотосодержащие концентраты, шлиховое золото*), порядковые числительные (*первая этажерка, вторая загрузка*).

В завершении отметим, что богатая и разнообразная лексика русского аффинажного производства нуждается в комплексном, лингвистическом описании с позиции мотивологического, функционального, сопоставительного терминоведения и терминографии.

Литература

Гринева-Гринева С. В. Терминоведение. М., 2008.

Федьде О.В. Историческое терминоведение в теории и практике. Красноярск, 2001.

Англо-русский металлургический словарь / English-Russian Metallurgical Dictionary. М., 2004

Энциклопедический словарь по металлургии / Под ред. Н.П. Лякишев и др: В 2 т. М., 2000.

Опыт построения двуязычного терминологического словаря для дисциплины «Речевые технологии»: проблемы и подходы к решению

Карпелевич Анна Михайловна

*Студентка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Термины являются важнейшим элементом любого научного исследования. Точность научных терминов, их однозначность, отсутствие омонимов и синонимов крайне важны для понимания текста. Ведь если автор пишет, к примеру, о фонетическом строе языка, а читатель считает что «фонетический» и «фонематический» есть одно и то же, то путаница неизбежна. Особенно неприятна ситуация, когда термин и явление, описываемое этим термином, введены на иностранном языке, а в основном языке текста не сформировался единый стандарт перевода. Можно вспомнить классический пример: слова “Aspect”(англ.) и “Aktionsart” (нем.), которые, означая одно и то же, привели к сосуществованию в русском языке двух терминов-переводов с неясной границей (собственно, «аспект» и «образ действия»), и это не считая русского термина «вид».

В области современных речевых технологий (РТ) проблема унификации терминологии стоит особенно остро. Постоянно возникают новые термины, часть из них уже и не переводится на русский язык, во избежание путаницы понятий. Моя работа – это попытка не просто унифицировать русскую терминологию в этой области, но и привести ее во взаимно-однозначное соответствие с английской.

В процессе работы решались 2 крупные проблемы: отбор материала для словаря и проблема удобного представления полученных результатов. Поскольку вторая проблема является более простой, я начну с нее.

На данный момент не существует открытых программных продуктов, предназначенных для построения двуязычных терминологических словарей. Поэтому, чтобы не зависеть от разработчиков ПО и для удобства, я написала небольшую программу внутреннего пользования dict.exe. Программа умеет читать и хранить файлы словаря (формат .csv), выводить их в алфавитном порядке, а также добавлять, удалять и

редактировать словарные статьи. Каждая статья состоит из 2 полей: русского и английского, а каждое поле, в свою очередь, из термина, его определения и источника термина.

Гораздо более сложной оказалась работа с материалами. Нужно было выработать принципы отбора терминов для словаря. В результате учитывались следующие критерии:

1. Соответствие тематике и проблемной области. Приоритетное значение имели тексты по РТ.

2. Тип материала. Предпочтение отдавалось словарям, предметным указателям к книгам и глоссариям в документации к программным продуктам-анализаторам звучащей речи, так как в таком случае облегчался поиск толкования термина.

3. Форма представления материала. Электронные материалы более предпочтительны, чем бумажные.

4. Год издания/выпуска. Более новые материалы предпочтительнее старых, т.к. отражают современное видение проблем РТ (АОЗР), которые очень динамично развиваются.

5. Надежность и престижность. Имеется в виду то, насколько авторитетен данный источник для исследователей. Данный критерий помогает избавиться от терминов, не прижившихся в русском языке.

Хочется надеяться, что эти критерии пригодятся всем, кто сталкивается с проблемой отбора терминологического материала.

Следующим этапом была обработка собранного материала. Процесс этот очень сильно зависит от того, какие именно материалы прошли отбор. В первую очередь, нужно было сформулировать определения для не имеющих их терминов. Для этого использовались и материалы, не прошедшие отбор (бумажные книги, большие энциклопедии, статьи). Далее, для каждого термина нужно было определить, не устарел ли он, и в этом случае найти более новое определение или уточнить старое. После такой обработки некоторые термины пришлось полностью исключить.

Следующим немаловажным этапом был перевод найденного термина. Это отдельная, и очень сложная работа, поскольку нужно было по литературе на языке перевода найти точное соответствие оригиналу, чтобы не породить очередной виток путаницы. К сожалению, иногда, особенно при переводе русских терминов, найти точный английский аналог не удавалось; в таком случае перевод и поиск подходящего иноязычного эквивалента я осуществляла сама. К счастью, такие случаи были редки. Перевод же определения был моим практически во всех случаях, т.к. в целях унификации было решено, что русские и английские термины должны иметь тождественные определения.

Отдельным, и очень важным аспектом построения словаря стала обработка аббревиатур. При переводе аббревиатур важно, чтобы сокращение не потеряло прозрачности формы, т.е. чтобы аббревиатуру всегда можно было расшифровать, не прибегая к словарю. Здесь есть 2 стратегии: расшифровать аббревиатуру, перевести и снова зашифровать (так из НММ (англ.) возникло СММ (рус.) или транслитерировать буквы (например, FIDE (фр.) и ФИДЕ (рус)). К сожалению, выработать единую стратегию невозможно. Но в ходе анализа ситуации и опросов, проведенных среди потенциальных пользователей словаря (студентов и аспирантов кафедры ТиПЛ МГУ), я выяснила, что стратегия перевода представляется более выигрышной. Поэтому было принято решение переводить аббревиатуры во всех случаях, кроме тех, когда транслитерированный вариант уже устоялся и постоянно применяется. К сожалению или к счастью, но подобных случаев в процессе составления словаря не обнаружилось.

В результате проделанной работы был получен словарь из 764 пар терминов. Сейчас над ним проводится дальнейшая работа: словарь было решено превратить в тезаурус, т.е. выстроить иерархию для этих понятий. Хочется надеяться, что работа

окажется полезной для тех, кто работает в области РТ. Сейчас результаты работы интегрированы в портал по КЛ и доступны на сайте <http://uniserv.iis.nsk.su/thes/index.php>

К вопросу о частеречной классификации плеоназмов

Ковалева Татьяна Анатольевна

Студентка Владимирского государственного гуманитарного университета, Владимир, Россия

Среди наиболее острых проблем, наблюдаемых в речевой практике современной русскоязычной языковой личности, выделяется избыточность сообщения, напрямую связанная с двумя языковыми явлениями – тавтологией и плеоназмом, наиболее исследованным из которых является тавтология. Вместе с тем, особо **актуальным** представляется изучение плеоназма с целью описания эффективных методов борьбы с этим речевым явлением.

Объект исследования - плеоназмы, извлеченные из СМИ и речи жителей Владимирской области. Картотека собранного языкового материала составляет более 300 примеров плеоназмов, извлеченных из аудиовизуальных и печатных СМИ и речи жителей Владимирской области.

Под плеоназмом принято понимать оборот речи, основанный на воспроизведении одной и той же мысли посредством разнокоренных лексем (*своя автобиография, вернуться обратно*), а также стилистический прием («*Но им назад не воротиться*») и необоснованное многословие (*первые сообщения пошли уже где-то через час после регистрации*). Кроме того, несмотря на достаточную изученность плеоназма в лингвистической литературе (см. в этой связи работы Е.Н. Геккиной, Г.Я. Солганик, Н.П. Колесникова, О.Я. Ляховецкой, Эр.И. Хан-Пира, С.Н. Цейтлин и др.), на сегодняшний день не существует однозначного подхода к его классификации. Широко известны стилистическая классификация И.Б. Голуб, а также семантическая и частеречная классификация А.Э. Мильчина и др. (см., напр.,: [Голуб: 33-38], [Мильчин: 283-296]).

В результате анализа собранных примеров плеоназмов нами была предпринята попытка классификации этого явления лексической избыточности с точки зрения его частеречной и семантической принадлежности. Предлагается выделять следующие группы плеоназмов:

1) избыточное употребление существительного:

а) одиночные существительные, не имеющие смысловой и стилистической нагрузки в тексте: *Ведь существует такое множество **вариантов** направлений; **Работа** по подготовке к переписи населения-2010 выходит на финишную прямую;*

б) два существительных, значение которых дублируют друг друга: *Неужели всего профессионализма «дворцовых пиарщиков» хватает только на опровержения **версий и предположений** журналистов?; ...что такое народ, каковы **параметры и показатели**, необходимые для вхождения в народ;*

в) сочетание глагола и существительного, где существительное лишено смысловой и стилистической нагрузки: *Тебе **идет к лицу** это платье; Мы **испугаемся от страха**;*

2) избыточное употребление прилагательного:

а) одиночное прилагательное, лишенное смысловой и стилистической нагрузки в тексте: *Наиболее сложная ситуация была 5 августа в Киржачском районе, где возникла **реальная** угроза возгорания населенного пункта; До 2012 года в нашем регионе запланировано строительство **23 новых** спортивных объектов;*

б) два прилагательных, значения которых дублируют друг друга: *И уж совсем беспомощным выглядел мэр в «эпопее» с **публичными общественными** слушаниями;*

Все то, что делает тебя таким **неповторимым и индивидуальным**, все то, что всегда было с тобой;

в) сочетания существительного и прилагательного, где значение прилагательного включено в значение существительного: **Главный козырь В. Газаева; ... а в конечном итоге нацеливают людей на активное долголетие.**

3) избыточное употребление глагола:

а) одиночные глаголы, которыми автор старается обозначить наличие упоминаемого предмета: **Только 227 из них являются обитаемым; Основной целью форума является популяризация поэзии;**

б) причастия, которыми автор обозначает наличие или появление описываемого предмета: **У кого-то в школьных тетрадях появятся пятерки, а у кого-то двойки за допущенные ошибки; Девочка маленькая, но уже имеющийся опыт ей уверенно подсказывает;**

в) два глагола с расщепленным значением: **Остается надеяться, что морские птицы не начнут бояться людей; ДТП с участием пешеходов всегда будут оставаться самыми распространенными;**

г) сочетание глагола и отглагольного существительного с расщепленным значением: **...и желающие осуществлять трудовую деятельность в виде стажировки на временных рабочих места; Сегодня список владимирских предприятий, которые осуществляют поставки фруктов и овощей...**

4) **избыточное употребление местоимения** (отсутствует смысловая и стилистическая нагрузка в тексте): **Она дает им большой объем новой полезной информации, которую слушатели используют на практике и сами, и делятся ею со своими родными, знакомым; Те, кто сидел на почетных местах, посвятили всю свою жизнь заводу.**

5) избыточное употребление наречия:

а) одиночное наречие, лишённое смысловой и стилистической нагрузки в тексте: **Выделенные 300 млн. рублей четко уйдут именно на муромский участок; Николай Владимирович отметил, что обстановка складывалась достаточно непростая;**

б) два наречия, значения которых дублируют друг друга: **Сегодня даже в садоводческом товариществе теперь можно не просто отдыхать летом в своем домике, но и оформить там себе регистрацию; ...давайте делать хотя бы по чуть-чуть, понемногу;**

в) сочетание глагола и наречия, где значение глагола включает значение наречия: **Главный специалист Московского метеобюро Т. Позднякова рассказала «КП», как будут развиваться события дальше; Они поднимаются вверх и парят в облаках;**

г) сочетание наречия и местоимения, где значение наречия включено в значение местоимения: **Но лично я вижу во всем происходящем не что иное, как знаки приближения Апокалипсиса; Лично для меня таким домом является город Владимир.**

б) избыточное употребление числительного (отсутствует смысловая и стилистическая нагрузка в тексте): **Это когда один человек стоит и читает смешной монолог; ...двух глав тандема...**

Думается, что первичные попытки представленной классификации дадут возможность для дальнейшего изучения плеоназмов и эффективных методов борьбы с ним в речи русскоязычной языковой личности XXI века.

Литература

Голуб И.Б. Русский язык и культура речи. М., 2002.

Мильчин А.Э. Методика редактирования текста. М., 1980.

Особенности имен существительных со значением собственно дейктическим

Корсунова Ирина Николаевна

Магистрантка Ставропольского государственного университета, Ставрополь,
Россия

В современном русском языке представлены группы слов с так называемой ослабленной (или утраченной) номинативной функцией. К таковым, как отмечает «Русский семантический словарь», относится и немногочисленная по своему составу группа абстрактных имен существительных со значением собственно дейктическим.

Такие имена существительные являются носителями собственно указательности: характер неопределенно-указательного значения проявляется в них наиболее ярко и весьма полно. В современном русском языке эта лексико-семантическая группа представлена следующими основными ее членами: *вещь, вопрос, дело, объект, понятие, предмет, статья, штука, штукавина*.

Имена существительные с собственно дейктическим значением характеризуются особыми лексико-семантическими свойствами.

Дейктические существительные являются многозначными языковыми единицами. Выступая в конкретной речевой ситуации, они реализуют одно из своих значений, причем зачастую это значение в составе словарной дефиниции первым.

Характерной особенностью неопределенно-указательных имен существительных является то, что их значения взаимообусловлены.

Семантика имен существительных с собственно дейктическим значением определяется через друг друга: употребляя одно понятие, мы не можем не коснуться другого, одно толкуем через другое. Так, например, взаимообусловленными являются следующие толкования: «*Штука* – это *предмет*, явление; вообще то, о чем идет речь»; «*Предмет* – это *объект* приложения какого-нибудь действия, познания, внимания»; «*Понятие* – это *вещь, предмет*»; «*Вещь* – это *предмет*, явление, ситуация...» и т. д. [Русский семантический словарь 2003: 566–567].

«Слова бессмысленны, если слушающему не известны противопоставленные им другие слова из того же понятийного поля; и они неопределенны и расплывчаты, если не появляются их «концептуальные соседи», которые претендуют на свою часть понятийного поля и своим появлением четко выделяют границы произнесенного слова» [Филмор 1983: 59]. Вступая в речевой модели в синтагматические отношения друг с другом, словесные знаки приобретают еще большую закрепленность за референтами. Происходит как бы взаимоуточнение слов. Тем более уточняют значение слов контекстуальные и конситуативные условия дискурса.

Имена существительные с собственно дейктическим значением представляют собой определенную совокупность языковых знаков, содержащую оппозиции, или такие элементы, которые противопоставлены друг другу таким образом, что понимание любого из знаков этой совокупности требует осознания того, что выбран **именно этот знак**, а не любой другой из его конкурентов.

Определяющей является зависимость значения дейктического существительного от контекста. Члены данного лексико-семантического класса существительных обладают широкими сочетаемостными возможностями, поэтому, как правило, они имеют при себе определения с дополнительными конкретизирующими смыслами: «Есть здесь *вещь* очень *интересная*, но в то же время очень *проблематичная*, очень *спорная*»; «Наука – *штука серьезная*» и т. д. [НКРЯ].

Определения требуются именам существительным с собственно дейктическим значением, прежде всего, как грамматически опорные слова. Кроме того, они усиливают оттенок определенности, не имеющийся в семантике самого дейктического существительного: определения сужают семантический объем существительных.

Будучи ограниченными контекстом определенного речевой ситуации имена существительные с собственно дейктическим значением входят в сферу эмоционально-

экспрессивной речевой деятельности. Эти существительные, определяясь конкретной ситуацией общения, зачастую называют, обозначают то, что является предметом удивления или оценки, шуточного или неодобрительного отношения: «До чего чудна: по дворам ходила – *вот штука-то!*»; «Потому что любовь, Дашенька, это все-таки, если посмотреть с этой стороны, – *преподлейшая штука!*» и т.д. [НКРЯ].

Абстрактные имена существительные с собственно дейктическим значением весьма распространены в речи. Они выражают отвлеченное значение и имеют свое означаемое в действительности. Эта группа имен существительных может обозначать (по качественно-оценочным признакам) следующее:

- 1) события, явления, факты действительности;
- 2) объекты речевой, мыслительной или иной деятельности человека.

Конкретное значение отвлеченного дейктического существительного, его эмоционально-экспрессивное наполнение устанавливаются по контексту с помощью учета семантики окружающих это существительное компонентов (полных и кратких имен прилагательных, причастий, а также глаголов); предложно-падежных форм; указательных местоимений; с помощью каких-либо речевых отрезков, находящихся как в препозиции, так и в постпозиции; путем сравнения значения этого существительного со значением другого отвлеченного существительного.

Значения собственно дейктических имен существительных обладают весьма широкой вариативностью. Варьируя характер своего значения от сугубо сигнификативного к денотативному, и, наоборот, от денотативного к сигнификативному, данный лексико-семантический класс слов может называть и описывать самые разнообразные явления, факты окружающего (как реального физического, так и мысленного умопостигаемого) мира.

Определяя место собственно дейктических имен существительных в системе современного русского языка, можно говорить о том, что данный лексико-семантический класс слов является по своей природе исключительным образованием и занимает промежуточное положение между однозначной лексикой и классом местоимений.

Литература

- [НКРЯ] – Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru>
Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: В 4 т. / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2003. Т. III. С.563–576.
Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.12. М., 1983. С.52–93.

Семантизация орнитонимов в лексикографической практике и обыденной метаязыковой деятельности

Кузнецова Татьяна Юрьевна

Аспирант Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия

*Исследование выполнено
при поддержке гранта минобрнауки
16.740.11.0422*

Слово, как известно, представляет собой совокупность семантических компонентов. Согласно постулату отечественной и современной лексикографии значение слова раскрывается по принципу минимального толкования, т.е. в словарной дефиниции представлен набор необходимых и минимальных признаков, позволяющих отличить один объект от другого. Однако процесс функционирования слова в речи, в том числе и процедура обыденного толкования, в ряде случаев демонстрирует примеры разной степени актуализации смысловых компонентов слова. Так, в центре исследовательского интереса тезис о разной степени актуализации смысловых

компонентов при процедуре лексикографического и обыденного толкований. Подробнее остановимся на двух случаях, раскрывающих данный тезис.

1. Набор смысловых признаков.

При всем многообразии названий птиц существует определенная тенденция к унификации их описания в толковых словарях. Эта унификация сводится к обозначению особенностей, характерных для данного класса объектов живой природы: «строение тела птиц, их образ жизни, обитание на определенных территориях» [Костина 2000: 9], отнесение к определенному отряду или семейству. Так, в словаре русского языка [Словарь русского языка: 1981;1984] при описании орнитонимов (*чайка*, *буревестник*) значимыми являются следующие смысловые компоненты:

(1) место обитания;

(2) внешние особенности птицы (размер, строение тела и т.д.).

Буревестник – морская водоплавающая птица (1) с крючковатым клювом, с узкими и длинными крыльями (2) [Словарь русского языка: 1981].

Чайка – водоплавающая птица с мягким густым оперением (2) [Там же: 1984].

В процедуре обыденной семантизации наряду с перечисленными признаками носителями языка актуализируются иные дифференциальные компоненты, не отмеченные в словарях:

(3) семейство (отряд);

(4) питание;

(5) цвет;

(6) звук;

(7) утилитарные признаки;

(8) производимое впечатление.

Буревестник – встречаются у берегов всех океанов (1); большие чайки; средней величины (2); птица, относится к отряду буревестниковых (3); питается (сырой) рыбой; морскими микроорганизмами (4); громко кричащая (6).

Чайка – живет около моря (1); птица с длинным клювом и крыльями (2); черно-белого окраса; белая с темными кончиками крыльев (5); питается рыбой (4); издают звуки «кар-кар», но не как ворона (6); мешающая отдыхающим (7); птица красивая; птица, издающая противное гоготание (8).

Таким образом, набор смысловых компонентов в словарных дефинициях строго унифицирован, сведен к стандартным моделям описания орнитонима. В обыденных дефинициях число смысловых компонентов не является строго ограниченным в количественном отношении, и каждый раз говорящим актуализируются значимые с его точки зрения смыслы.

2. Актуализация/нейтрализация родо-видовых компонентов.

В дефинициях словарного типа толкуемое слово и то понятие, с которым оно соотносится, находятся в родо-видовых отношениях. *Буревестник* – птица <...>. *Чайка* – птица <...>.

В процессе обыденной семантизации происходит нейтрализация тех или иных родо-видовых признаков. Под процессом нейтрализации нами понимается деактуализация, редуцирование противопоставленных признаков объекта, изначально им присущих. В обыденной метаязковой деятельности становится возможным процесс неразличения перечисленных родо-видовых признаков, что объясняется, во-первых, тем, что «круг соответствующих понятий не принадлежит к кругу серьезных, а обращается в сознании говорящих как нечто второстепенное, не требующее точности говорящего и слабо контролирующееся слушающим» [Булаховский 1958:104], во-вторых, незнанием соответствующей строго научной информации.

В анализируемом материале выделяем дефиниции, в которых степень нейтрализации сводится к обозначению только родового компонента. *Чайка* – птица; *птичка*. *Буревестник* – птица.

В результате обработки данных анкетирования степень нейтрализации видовых признаков рассматривается нами по двум параметрам:

1. место, пространство обитания;
2. питание.

Указывая на место обитания, многие респонденты отмечают водное пространство как для *чайки*, так и для *буревестника: летающая над морем; живет у водного пространства*. Названные говорящими признаки, по сути, оказываются не дифференцирующими, а отождествляющими. Кроме того, носителями языка при семантизации данных слов актуализируется сема «морская». В таком ракурсе некогда дифференцирующий компонент «морская» (см. словарные дефиниции) оказывается в ответах говорящих нейтрализующим, что ведет к отождествлению или сближению разного класса птиц. Дифференцирующим же признаком стоит считать отмеченную в ответах реакцию «горная» на слово *буревестник*.

Отмечаемый говорящими признак питания можно считать полностью нейтрализованным в ответах говорящих. В качестве объекта питания для обеих птиц называется «рыба». Единичной реакцией является ответ респондента о *буревестнике*, питающемся морскими микроорганизмами.

Рассмотренные нами два параметра (территория и питание) являются полностью или частично нейтрализованными в ответах говорящих. По нашим наблюдениям, это связано с тем, что оба параметра имеют отношение к водному пространству.

Таким образом, имеются определенные предпосылки для указания на различный характер актуализации смысловых компонентов в лексикографической практике и обыденной метаязыковой деятельности.

Литература

Костина Н.Ю. Название птиц как специфическая группа слов (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Псков, 2000.

Словарь современного русского языка / под редакцией А.П. Евгеньевой - М., 1981; 1984.

Булаховский Л. А. Морфологическая проблематика русских наименований птиц // Вопросы языкознания. 1958. № 4. С. 104.

К вопросу о противоположной семантике в пределах энантиосемии

Махмутова Люция Рафаиловна

*Преподаватель Казанского государственного технического университета
им. А.Н. Туполева, Казань, Россия*

Явление энантиосемии, характеризующееся наличием противоположных значений в семантической структуре одной языковой единицы, широко представлено в современном русском языке. Однако основные вопросы, касающиеся данного феномена, до сих пор остаются малоизученными в отечественной семасиологии. В частности, спорными остаются проблемы описания лингвистической природы указанного явления и определения места энантиосемии в системе других лексико-семантических категорий языка.

Значимым моментом в понимании сущности энантиосемии является изучение феномена противоположности, лежащего в основе данного явления.

В естественном языке отношения противоположности связаны с единицами различных уровней языка (фонетического, лексического, грамматического). Однако ведущая роль принадлежит противопоставлениям, выражаемыми единицами лексического порядка. Прежде всего, это относится к языковым явлениям антонимии и энантиосемии.

Целью данной работы является исследование семантической категории противоположности, составляющей природу энантиосемии.

Лингвистическая категория противоположности состоит в отражении общего закона познания, заключающегося в делении единого на взаимоисключающие полярные точки и установлении отношений между ними в языке.

Тот факт, что «противоположность – это развитое до предела различие одной сущности» [Миллер 1990: 12], позволяет допустить наличие общего компонента у членов семантической оппозиции. Так, М.М. Покровский отметил, что «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются, независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служат сходство или прямая противоположность по основному значению» [Покровский 1959: 82]. Из данного высказывания можно заключить, что противоположность – это категория не только противопоставляющая, но и объединяющая: противоположное значение ассоциативно соотносится со своим антиподом.

Поскольку категории языковой антонимии и энантиосемии зиждутся на одинаковых в семантическом плане отношениях, считаем допустимым рассмотреть имеющиеся классификации антонимических типов оппозиций применительно к энантиосемии.

На логико-понятийном уровне исследователями выделяются различные типы противоположности. Так, например, классификации Л.А. Новикова, Дж. Лайонза, Э.И. Родичевой, В.А. Михайлова можно свести к выделению следующих основных логических типов: контрарный, комплементарный, векторный и конверсивный.

Контрарную противоположность характеризуют градуальные оппозиции лексем: *беситься* в значении «быть в крайнем раздражении» и «резвиться, шалить без удержу», *дитя* в значении «маленький ребенок» и «о взрослом человеке». В комплементарных отношениях в противопоставление вступают значения, дополняющие друг друга: *завязать* в значении «начать» и «покончить»; *переизбрать* со значением «избрать на новый срок» и «не избрать на новый срок». В векторную группу входят слова, выражающие противоположную направленность действий, признаков и свойств: *занять* в значении «дать в долг» и «взять в долг», *выехать* со значением «отправиться куда-либо» и «появиться» и т.д.

Ю.Д. Апресян в работе «Лексическая семантика» обращается к собственно лингвистической категории противоположности и выделяет иные типы семантических оппозиций: Anti 1 - «X – X не» (тип «начинать»/«переставать», тип «действие»/«уничтожение результата действия»), Anti 2 - «X – не X», Anti 3 – «больше – меньше» [Апресян, 1995]. Указанные типы, являющиеся ключевыми для антонимии, применимы и для отношений, характеризующих энантиосемию. Однако не все энантиосемичные единицы вписываются в приведенные типы. Это связано с тем, что многие энантиолексемы содержат в своем составе оценочные семы, которые реализуются в компонентах «хорошо – плохо», «правильно – неправильно», «честно – нечестно» и др. Соответственно, целесообразно выделить недостающий четвертый тип с общим семантическим значением «хорошо – плохо».

Учитывая все сказанное, предлагается выделить четыре группы слов, каждая из которых представляет собой определенный тип отношений, представленный в явлении энантиосемии:

1. тип «начинать – переставать» (*одолжить* - «начинать иметь - переставать иметь»; *вывести* - «каузировать перестать существовать – каузировать начать существовать»);

2. тип «действие – уничтожение результатов действия» (*вырубить* – «создать рубкой» и «уничтожить рубкой»; *двоить* – «сдваивать» и «раздваивать»);

3. тип «хорошо – плохо» (*благой* – «хороший, добрый» и «плохой, злой», *добро* – «все хорошее, полезное» и «о ком-чем-ниб. плохом, негодном»; *запах* – «благоухание, аромат» и «дурной запах»);

4. тип «больше – меньше» (*возиться* - «беспокойно, суетливо двигаться» и «делать что-л. медленно»; *жгучий* - «очень горячий» и «очень холодный»);

Подобная классификация, основанная на логическом подходе, имеет огромное значение для изучения категории противоположности в языке. Тот факт, что имеющиеся антонимические оппозиции вписываются в эти группы, свидетельствует о некоей универсальности категории противоположности в целом, что позволяет вывести некое инвариантное содержание отношений противопоставленности в языке.

Попытка рассмотрения лингвистических факторов противоположности, предпринятая в данной работе, способствует выявлению природы энантиосемии, ее онтологических основ.

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1995.

Миллер Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов, 1990.

Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.

Метафорические и метонимические трансформации значений как объект словарной лексикологии

Ольховская Александра Игоревна

*Аспирантка Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, Москва,
Россия*

Современная лингвистическая наука к настоящему времени имеет серьезные теоретические накопления относительно многозначности, которые, однако, представляя собой разнородный, местами противоречивый, массив, скорее, складывают общее представление о полисемии, нежели ориентируют лексикографа в непростой деятельности по оптимальному отражению полисемантов в объяснительном словаре. Указанное обстоятельство делает необходимым обращение к описанию лексической многозначности в практико-ориентированном аспекте, то есть в рамках словарной лексикологии. Область словарной лексикологии была описана В.В. Морковкиным как самостоятельный раздел лексикографии, назначение которого «состоит в таком теоретическом осмыслении лингвистических понятий и категорий, которое бы создавало оптимальные условия для практического лексикографирования языковых единиц, соответствующих этим понятиям и категориям» [Морковкин 2001: 33].

Для практики лексикографирования полисемантов существенным оказывается лексикологическое описание дифференциальных признаков метонимических и метафорических переносов. Рассмотрение традиционных определений метафоры и метонимии позволяет отметить следующее: во-первых, и метафора, и метонимия служат возникновению новых лексико-семантических единиц, а во-вторых, суть их заключается в переносе имени с означенной информемы на неозначенную. Первое не вызывает сомнения, второе требует некоторых уточнений. Говоря о переносе имени, имеют в виду прежде всего материальную невыраженность семантических формантов и игнорируют саму сущность явления переноса, в то время как сущность эта оказывается чрезвычайно важной для разграничения метафоры и метонимии и выработки рациональных принципов их отражения в объяснительных словарях.

Процесс переноса имени предполагает, на наш взгляд, а) осознание существенных признаков определенного предмета действительности ситуации А (для экономии места под предметом далее будем понимать также явление, ситуацию, событие и т.д.) → его номинацию; б) взаимодействие на протяжении какого-либо (возможно, не очень продолжительного) времени человеческого сообщества с поименованным предметом, осознание его несущественных свойств, возникновение связанных с ним устойчивых ассоциаций; в) осознание существенных признаков предмета окружающей действительности ситуации Б → его номинацию либо с помощью словообразования, либо с помощью механизмов малого синтаксиса, либо с

помощью внешнего заимствования; г) осознание некоторой внешней или внутренней связанности (сходства) двух означенных в словах предметов действительности, а также ситуаций А и Б → использование имени первого предмета для наименования второго с целью усиления образности и экспрессивности обозначения второго предмета, то есть собственно перенос имени на основании сходства. Данный алгоритм переноса демонстрируют, например, следующие модели метафорических трансформаций: *осел* в значении 'родственное лошади животное' → *глупый* / *упрямый человек* → *осел* в значении 'глупый, упрямый человек' или *бежать* в значении 'двигаться быстрым, резко отталкивающимся от земли шагом' → *быстро проходить* (о времени) → *бежать* в значении 'быстро проходить (о времени)'. Таким образом, к существенным признакам переноса имени отнесем 1) принадлежность референтов ЛСВ многозначного слова к разным ситуациям окружающей действительности, 2) наличие временного промежутка, пусть и достаточно малого, между этапом номинации первого предмета и этапом номинации второго предмета посредством переноса имени, 3) частотную образность и экспрессивность переносной единицы.

При внимательном ознакомлении с предложенными качествами переноса становится понятным, что ни один метонимический перенос не является переносом в собственном смысле слова. Так, предметы, соотносимые с ЛСВ, связанными метонимией, всегда бытуют в рамках одной ситуации, временной промежуток, необходимый для осуществления метонимического переосмысления, как правило, равен нулю, а метонимические номинации, проникшие в язык, лишены образности. Значения, которые принято называть метонимическими переносами, не рождаются в результате дальнейшего ознакомления с функционированием предметов и выявления общих для них характеристик, а изначально присутствуют в исходном значении в виде семантического придатка или неактуальных сем. Сходное замечание находим у Д.Н. Шмелева в связи с рассуждением о семантической стороне единиц с семантикой населенного пункта: «слово *город* и др. обозначают «населенный пункт», то есть элемент «жители» потенциально присутствует в их семантике; в приведенных примерах именно он становится основой значения (что и обуславливает возможность выделения отдельного значения для фраз вроде *Весь город вышел на улицы* и т.п.), но в других контекстах его действительно нельзя считать значимым, ср.: *строить город*; *Это был красивый город*; *Археологи откопали древний город* и т.п.» [Шмелев 2002: 149]. Считаем, что явление метонимии нужно соотносить не с переносом значения, а с его сдвигом, или смещением, а также не с переносом имени, а с его использованием в изначально свойственном ему в потенции значении.

Все отмеченное в связи с сопоставлением метафорических и метонимических трансформаций может быть использовано в реальной практике лексикографирования полисемантов в первую очередь в случае, если концепция объяснительного словаря предполагает применение стесненного отражения семантической структуры многозначного слова. В докладе будет представлено преломление сущностных отличий метафоры от метонимии в конкретных словарных статьях.

Литература

Морковкин В.В. О словарной лексикологии // Русский язык за рубежом. М., 2001, № 2. С. 32-38.

Шмелев Д.Н. Введение к книге «Способы номинации» // Избранные труды по русскому языку. М., 2002.

К вопросу о нормативности употребления эпитетов в русском языке начала XXI века

Прокофьева Юлия Александровна

Студентка Владимирского государственного гуманитарного университета,
Владимир, Россия

Несмотря на то, что проблеме эпитета посвящено довольно много исследований, на сегодняшний день в этом вопросе остаются недостаточно изученные аспекты. Наблюдается расхождение в терминологии при классификации эпитетов, слабо разработан вопрос об эмоционально-оценочном значении таких единиц. Особого внимания заслуживает проблема соблюдения языковых норм при употреблении эпитетов в речи.

В ходе исследования анализу было подвергнуто 1095 примеров, собранных из печатных и аудиовизуальных средств массовой информации в период с 2008 по 2011 год.

По возможностям сочетаемости языковых единиц в современном русском языке выделяются *правильные, неправильные* и *необычные* построения. В связи с этим, среди эпитетов современного русского языка представляется возможным выделить *нормативные, ненормативные* и *окказиональные* единицы.

Большинство эпитетов русского языка начала XXI века можно отнести к *нормативным* (традиционным). Характерными признаками традиционных (общеязыковых) эпитетов служат относительная устойчивость связи между определяющим и определяемым, воспроизводимость подобных словосочетаний [Горбачевич, Хабло 1979: 7]. Например: *бархатный голос, бездонные глаза, безмерная любовь, благословенные места, диковинные растения, драгоценная жизнь, ледяной ветер, лучезарная улыбка*. Некоторые традиционные эпитеты превратились в так называемые слова-спутники, возникающие всякий раз при необходимости употребить традиционное определяемое слово [Ипполитова 1988: 39]. К сочетаниям такого типа можно отнести следующие: *адская боль, баснословная сумма, безоблачное счастье, блестящая карьера, бурная деятельность, виртуозная игра, гениальный изобретатель, доблестная милиция, искрометный юмор, оглушительный успех*.

Окказиональные конструкции являются результатом индивидуального языкотворчества и встречаются, главным образом, у представителей творческих профессий, имеющих потребность в создании новых форм, слов и сочетаний слов. В основе создания многих художественных образов лежит нарушение привычных связей слов, или семантическая несочетаемость лексем, что наиболее ярко проявляется в оксюморонных комбинациях [Юдина 2006: 343]. В основе *окказиональных* (редких, индивидуально-авторских) эпитетов лежат неожиданные, часто неповторимые смысловые ассоциации, поэтому они обычно невоспроизводимы. При этом важно заметить, что некоторые из этих «неординарных с точки зрения реальности» сочетаний, претерпевая различные семантико-структурные изменения, становятся, как известно, общеупотребительными: *антикварный артист, безумный подарок, беспризорный бутик, гениальная малина, железобетонное слово, сладкая каторга*. Другие же так и остаются авторскими, индивидуальными образованиями, «привязанными» к единственному, конкретному контексту: *диванно-целовальный экземпляр, заформаченное время, зубодробильные боевики, изысканно-прикольная одежда, пушисто-блохастый подкидыш, резиново улыбающаяся женщина, сумасшедший комбинезон*.

Норма современного русского языка в настоящее время оказывается весьма эластичной, максимально приближенной к ситуации, среде и теме общения. Ненормативные сочетания слов являются следствием нарушения законов сочетаемости, что ведет к разрушению общепринятой нормы и в ряде случаев свидетельствует о

низком уровне языковой и речевой культуры носителей языка [Юдина 2006: 347 – 348]. Мы можем выделить следующие случаи *ненормативного* употребления эпитетов:

1. лексические ошибки:

а) незнание значения лексических единиц: *Мне понравился йогурт под номером пять не из-за вкуса, а потому что он ласковый* («Контрольная закупка», «Первый канал», 28 августа 2008); *В обогретое молоко добавляем дрожжи* («Едим дома», НТВ, 24 августа 2008);

б) тавтология: *Девушка на их фоне смотрелась диковинным чудом: свежа, безмятежна* («Караван историй», 2009);

2. грамматические ошибки, связанные с неправильным образованием формы слова: *Памятник архитектуры должен быть несношаем!* («Большая страна», «Пятый канал», 25 августа 2008);

3. стилистические ошибки при употреблении эпитетов могут быть связаны с несколькими причинами:

а) необоснованное проникновение жаргона в публицистику: *Пьют беспонтовые интеллектуалы исключительно пиво* («Телесемь», 2008); *Вещь дорогая, выпендренная* («7 дней», 2010); *И вот мне навстречу идет человек с голдовой толстенной цепью на шее* («7 дней», 2008); *Обо мне ходят две стопудовых неправды* («Моя семья», 2011);

б) смешение лексических единиц, принадлежащих разным стилям речи: *Его биография будто придумана бездарными пиарщиками* («ОК!», 2009); *Поначалу снимки делал допотопным фотоаппаратом* («7 дней», 2009); *А на какой он замызанной машине приехал!* («Коллекция «Караван историй», 2010).

в) употребление прилагательных, образованных с помощью стилистически маркированных суффиксов субъективной оценки, придающих высказыванию разговорный характер: *У нее длинющие музыкальные пальцы* («7 дней», 2010); *Стою, настроение препаришвейшее* («Караван историй», 2009).

Нарушения норм словоупотребления часто возникают из-за стилистически несоразмерного, несозвучного соединения слов, хотя с логической стороны связь данных смыслов, как таковых, как будто и не вызывает возражений [Горбачевич 1989: 62]. Появление в речи носителей русского языка этих и подобных сочетаний обусловлено отсутствием определенных знаний, связанных как со значением употребляемых при образовании сочетаний слов, так и с существующими синтагматическими законами «притяжения слов» в родном языке [Юдина 2006: 350].

Литература

- Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1989.
Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
Ипполитова Н.Б. Изобразительно-выразительные средства в публицистике. Саранск, 1988.
Юдина Н.В. Сочетания «прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте. Владимир, 2006.

Вербальная экспликация непредметных понятий в русской загадке

Солдаева Анна Александровна

Студентка Санкт-Петербургского государственного университета,

Санкт-Петербург, Россия

Загадки – «устойчивые тексты, объединяемые общностью коммуникативной цели <...> адресанта, которая приблизительно описывается формулой: “хочу, чтобы ты догадался, о чем я говорю”» [Юдин: 9]. Это одна из древнейших фольклорных форм, она традиционно связывается с обрядами, магией слова, явлениями языкового табу.

Загадка является своего рода «дефиницией» к слову-отгадке, эксплицируя важные с точки зрения народного сознания признаки загадываемого понятия. Поэтому

«загадочные» тексты - богатый материал для изучения фольклорной языковой картины мира.

Одно из главных содержательных отличий загадки – в обозначении «видимых, конкретных вещей и явлений», «вещей <...> "незначительных", но близких и необходимых» [Загадки: 9].

Однако в русском народном загадочном фонде встречаются и загадки «об отвлеченных понятиях, о жизни и смерти, о времени, <...> о предметах, связанных с религией» [Там же] и т.д. Иными словами, загадка может метафорически повествовать не только о предметном мире, но явлениях и понятиях, входящих в сферу духовных, моральных, нравственных ценностей конкретной народной культуры.

Таких текстов в самом авторитетном сборнике В.В. Митрофановой сравнительно немного. Загадки о непредметных понятиях являются скорее исключением, чем правилом.

Под непредметностью в «загадочной» языковой картине мира понимается обобщенность референтивной отнесенности слов-концептов, являющихся отгадками.

В загадке непредметная сфера представлена следующими понятиями: *бог, боль, время, грех, душа, жизнь, здоровье, имя, крест, ложь, молодость, мысль, правда, смерть, сон, старость, судьба, ум*. Все они и в современном литературном языке, и в языке фольклора являются именами существительными с обобщенной референтивной отнесенностью и представляют собой обозначения универсальных ценностей или антиценностей.

Непредметность как особая область языковой картины мира загадки имеет специальные средства для своей экспликации в тексте.

1. Указание в описательной части загадки не на денотативные признаки загадываемого слова, а на его устойчивые коннотативные оценочные ассоциации: *Что выше и краше солнца? Правда* [Там же: 156], ср. *Кругом вода, а с питьем беда. Море* [Там же: 30]. Это связано с большой антропоцентричностью подобных загадок, недаром многие из них в сборнике В.В. Митрофановой помещены в раздел «Человек».

2. Способность соединять противоположные признаки слова-денотата (т.е. отгадки) в рамках одного текста-описания: *Длинна, как дорога, коротка, как блоха. Жизнь* [Там же: 52].

3. Использование постоянных мотивов, указывающих на непредметность загадываемого концепта («всеобщность»; «неподверженность разрушению»; «отсутствие параметров, которые могут быть измерены»): *Что у всех есть? Имя* [Там же: 60]; *Взвесить нельзя, сморить нельзя, жить без того нельзя. Душа* [Там же: 152].

4. Часто используемая вопросная форма «загадочного» текста (что в целом нехарактерно для данной фольклорной формы, хотя вопрос – экспликация имманентной интенции загадки).

5. Обычное отсутствие в тексте конкретной метафоры-заместителя загадываемого слова; вместо нее появляется вопросительное местоимение или позиция оказывается незамещенной: *Что возратить нельзя? Время* [Там же: 146]; *Вчера было, сегодня есть и завтра будет. Время* [Там же]; ср. *По черной земле белый заяц пробег. Мел* [Там же].

6. Сходство загадок об отвлеченных понятиях с другими жанрами фольклора. Во-первых, такие загадки часто дидактичны, что сближает их с пословицами. Они не просто формируют языковую картину мира, а предоставляют сведения и о самом мире, о вещах, которые трудно познать самостоятельно: о *боге, душе, времени* и т.д.

Некоторые загадки включают в себя структурные текстовые элементы заговоров – традиционные формулы. Обычно это тексты о *смерти*: *Стоит столб, Этот столб никому не перейти, не переехать, Хлебом не отманить, деньгами не закупить. Смерть* [Там же: 61].

Наличие указанных специфических признаков, отделяющих загадки о непредметных понятиях от всех остальных, и очевидная близость изучаемых загадок с другими жанрами фольклора заставляет признать, что загадки с отгадками – абстрактными именами существительными находятся на периферии «загадочного» жанра.

Литература

Загадки / Изд. подг. В.В. Митрофанова. Л., 1968.

Юдин А.В. Ономастикон восточнославянских загадок. М., 2007.

Жаргонная лексика в русском и персидском языках

Хеммат-заде Шахрам Ахмадали

Преподаватель Мишхедского государственного университета имени Фердоси,

Мишхед, Иран

Жаргонная лексика (или жаргонизмы) – это слова и выражения, встречающиеся в речи людей, связанных родом деятельности, времяпрепровождением и т.п. В прошлом были широко распространены социальные жаргоны (жаргонный язык дворянских салонов, язык купечества и т.п.) [Лекант 2004: 39]. Наибольшее распространение в наше время получил молодежный жаргон, популярный у студентов, учащейся молодежи. Жаргонизмы, как правило, имеют эквиваленты в общенародном языке, например, среди студентов распространены слова: бабки "деньги", сачковать "бездельничать" петух "отлично" (оценка) [Розенталь 1995: 117]. Все они распространены только в устной речи и нередко отсутствуют в словарях.

И жаргону офеней – бродячих торговцев, существовавших в России в 19 в., - были присущи слова: рым "дом", мелех "молоко", сары "деньги", зетить "говорить", мастырить "строить" и др. Некоторые лексические элементы, проникшие в прошлом из социальных жаргонов в общеупотребительную лексику, сохраняются в ней и сейчас. К ним относятся, например, слова жулик, шустрый, липа – фальшивка и нек. др.

В персидском языке тоже с давних пор существовали жаргонизмы (жаргонный язык музыкантов, язык торговцев золотом и т.п.). Один из таких языков – язык торговцев золотом, который был распространенным особенно среди иранских купцов и в эпоху Сефевидов (XVII) стал очень распространенным даже среди обычных людей. Этот язык имеет свои особенности и в основном сначала иранские купцы пользовались этим языком, чтобы другие не понимали их речи.

В дальнейшем стараемся на основе сопоставления языков купечества в России и торговцем золотом в Иране, найти их сходства и отличия.

Литература

Лекант П.А. Современный русский литературный язык. М.: Высшая школа. 2004.

Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М: Международные отношения. 1995.